

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Я. Светлов

О самоубийстве:

беседа в церкви Нежинского Историко-филологического института кн. Безбородко по случаю самоубийства одного студента

Опубликовано:

Христианское чтение. 1897. № 2. С. 337-345.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

О САМОУБИЙСТВѢ ¹⁾.

*Если кто видитъ брата своего со-
грѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то
пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь,
то есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ
смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о
томъ говорю, чтобы онъ молился,*

1 Ио. V 16.

ВЫ, ВѢРОЯТНО, догадываетесь, надъ какимъ грѣхомъ произносить столь жестокий, повидимому, и суровый приговоръ даже самъ кроткій апостолъ любви, евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его писанія болѣе всѣхъ раскрываютъ христіанство, какъ религію всепрощенія и любви, и однако у одного этого апостола мы находимъ такое суровое осужденіе самоубійства съ запрещеніемъ даже молить о прощеніи этого грѣха. И это осужденіе при всемъ томъ не находится ни въ какомъ противорѣчій съ существомъ христіанства,—напротивъ, только въ одномъ христіанствѣ можно находить полное осужденіе этого величайшаго изъ золъ человѣческой жизни и спасеніе отъ этого зла. Кто исходитъ въ оцѣнкѣ самоубійства изъ христіанскаго взгляда на его причины и сущность, тотъ, конечно, долженъ видѣть въ немъ и величайшее несчастіе, и ужаснѣйшее преступленіе, въ полномъ смыслѣ—*грѣхъ къ смерти*.

Зло это широкою волною распространяется всюду; оно и насъ уже коснулось, и потому на всякомъ изъ насъ лежитъ

¹⁾ Беседа въ церкви Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко по случаю самоубійства студента института 1896 г. Ноября 16.

долгъ противодѣйствовать ему, тѣмъ болѣе на мнѣ, какъ нашемъ пастырѣ и учителѣ. И сдѣлаю то, что дано мнѣ здѣсь сдѣлать, если раскрою правильный взглядъ на эту язву нашего времени. Нашему времени именно не достаетъ этого правильнаго взгляда на зло, его причины и сущность, и это становится однимъ изъ важныхъ условій распространенія зла. Въ наше время подъ вліяніемъ ложныхъ взглядовъ, самоубійство вѣдь идеализируется, какъ геройство своего рода, оправдывается, какъ необходимость въ иныхъ случаяхъ, даже возводится въ правило, законъ, какъ это было въ древней стоической философіи.

Объясняютъ необыкновенную распространенность самоубійства въ настоящее время господствомъ пессимистическихъ, мрачныхъ воззрѣній на жизнь. Но если и допустить, что прежде люди бодрѣе смотрѣли на жизнь, чѣмъ теперь, то всетаки самая привлекательность для нынѣшняго времени и происхожденіе пессимистическихъ теорій остаются безъ объясненія; остается безъ объясненія общее настроеніе времени, располагающее къ самоубійствамъ.

Жизнь, говорятъ еще, стала теперь сложнѣе, искусствѣннѣе, а потому тяжелѣе прежняго; борьба за существованіе стала въ обществѣ болѣе напряженною, изнурительною и непосильною для тѣла и души, ослабленныхъ ею. Но *ничего нѣтъ новаго подъ луною*, и особенно новы всякаго рода невзгоды и страданія, которыми часто оправдываютъ себя самоубійцы: слезы и кровь на землѣ нашей никогда не высыхали. И борьба за существованіе измѣнила теперь только свою форму, а не напряженность. При томъ статистика показываетъ, что большее число самоубійць падаетъ не на слабыхъ, а на сильныхъ въ житейской борьбѣ,—болѣе на богатыхъ, сытыхъ, сильныхъ, чѣмъ на бѣдныхъ и обездоленныхъ; не голодные и нищіе, а люди, окруженные всѣми благами земли, тяготятся жизнию и добровольно расстаются съ нею. Не во внѣшнихъ условіяхъ существованія лежитъ источникъ самоубійствъ. Но можетъ быть усложнившаяся жизнь въ самомъ дѣлѣ стала непосильнымъ бременемъ для разпятаго ею нервнаго организма сыновъ XIX в., сдѣлавшагося хрупкимъ и непригоднымъ въ борьбѣ за существованіе? Можетъ быть въ нервности XIX в., или въ физическомъ ослабленіи человѣка заключается причина и его душевнаго ослабленія, потери твердости и устойчивости при всѣхъ ударахъ

и невзгодахъ? Но думать такъ значило бы слишкомъ далеко проводить связь души и тѣла до полного подчиненія души тѣлу; значило бы забывать, что слабые тѣломъ едва-ли не чаще сильныхъ и здоровыхъ бываютъ велики духомъ. Приводятъ и другія подобныя объясненія самоубійства, но говорятъ вообще не о причинахъ, а только объ условіяхъ, благоприятствующихъ настроенію, въ которомъ человѣкъ перестаетъ дорожить жизнью, цѣнить ее, какъ благо. И другую особенность всѣхъ обычныхъ объясненій самоубійства составляетъ то, что эти объясненія всегда въ такой или иной степени похожи на оправданіе самоубійства, какъ явленія естественнаго, неизбежнаго, объясняютъ-ли его развитіемъ нервности, или усиленіемъ борьбы за существованіе, или еще какими-либо условіями современной жизни. Здѣсь мы подходимъ уже близко къ источнику зла. Перестаютъ теперь считать грѣхомъ это зло, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ серьезное, строгое отношеніе къ нему; оно не встрѣчаетъ себѣ въ обществѣ дружнаго, усиленнаго и твердаго осужденія и протеста. И это понятно, если самоубійство отовсюду находитъ себѣ теперь даже и прямое, и косвенное оправданіе. Самоубійство оправдываетъ социологія, объясняя его экономическими и социальными причинами, оправдываютъ криминальная антропология, психіатрія и психология, отрицающія свободу воли въ человѣкѣ и отвѣтственность, и проводящія взглядъ на преступниковъ, какъ на людей больныхъ; болѣе того самоубійство находитъ себѣ защитниковъ и въ современномъ уголовномъ правѣ, которое и у насъ, какъ въ Западной Европѣ, стремится изъять изъ своей области самоубійство на томъ основаніи, что имъ не нарушаются никакія чужія права и не приносится никакого зла обществу. Но можетъ быть болѣе всего потемненіе сознанія о преступности самоубійства обусловливается общимъ духомъ и умственнымъ направленіемъ времени, господствомъ надъ образованными умами материализма, дарвинизма и многихъ другихъ ученій, убивающихъ въ насъ совѣсть, вѣру въ смыслъ жизни, въ добро отрицаніемъ Бога, безсмертной души, свободы воли, нравственной отвѣтственности. Вѣдь взглядъ на самоубійство всецѣло обусловливается общимъ міросозерцаніемъ. Но съ точки зрѣнія господствующаго въ обществѣ односторонняго и узкаго міросозерцанія, окрашеннаго материализмомъ, самоубійство не можетъ быть названо преступленіемъ. Уби-

ваютъ себя, когда жизнь теряетъ цѣнность для людей; а теряетъ она свою цѣнность, когда не удовлетворяетъ требованій, какія предъявляютъ ей. Человѣкъ, не признающій кромѣ этой никакой иной жизни, по необходимости все свое счастье и всѣ блага свои помѣщаетъ въ этой земной жизни,— т. е. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; отсюда неизбежно разочарованіе, недовольство жизнью. Жизнь не можетъ имѣть никакого смысла, если этого смысла и цѣнности ея мы ищемъ въ этой самой жизни, а не въ ея цѣли, не въ вѣчной будущей жизни. Жизнь для невѣрующаго въ безсмертіе и Промыслъ Божій есть сплошной рядъ загадокъ, страданій, а въ цѣломъ—безсмыслица и оскорбленіе всѣхъ его чаяній и желаній, даже самыхъ законныхъ. Человѣкъ, сознательно относящійся къ жизни, только въ религіи всегда находятъ себѣ твердую опору въ жизни, силу жить, вынести жизнь, какъ дождь, хотя-бы она тяжело складывалась для него. Мы—странники и пришельцы на землѣ, путники къ небу и вѣчности, а если такъ, то естественно мы обязаны терпѣливо выносить всѣ обычные неудобства и невзгоды, связанные съ дорогою, въ виду предстоящей намъ цѣли. Ничего этого не можетъ сказать человѣку матеріалистическая и скептическая философія, не можетъ утѣшить его въ скорбяхъ земныхъ, открыть въ нихъ какой-либо понятный смыслъ, а потому не можетъ осудить и самоубійства, какъ преступленіе. Даже язычники находили въ себѣ силу жить постольку, поскольку вѣровали въ бытіе Бога и безсмертіе души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ смыслъ жизни. Но полные и самые твердые устои жизни даны намъ только съ полнымъ откровеніемъ истины и смысла жизни. И это сдѣлано только Искупителемъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, который, явившись въ грѣшный міръ нашъ, подлинно сдѣлался нашею Жизнью, „Словомъ жизни“, *ибо Жизнь явилась съ Нимъ, восклицаетъ св. Іоаннъ Богословъ, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ, и возвышаемъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ* (1 Іо. 1, 2). Во Христѣ открылся намъ совершенно смыслъ жизни, въ Немъ даны и почерпаются нами силы жить, терпѣть и выносить всѣ и всякія невзгоды, нести жизнь не какъ бессмысленную и ненужную тяжесть, но какъ великій подвигъ, какъ крестъ, полный величайшаго и глубочайшаго смысла. Только въ христіанской религіи одной, среди безчисленныхъ друзей и защитниковъ, самоубійство встрѣчаетъ

себѣ самаго рѣшительнаго и единственно сильнаго, непобѣдимаго врага. Такимъ образомъ въ упадкѣ религіознаго міросозерцанія, въ ослабленіи именно христіанской вѣры среди общества заключается дѣйствительная причина широкаго распространенія самоубійства въ цивилизованномъ мірѣ. Все говорить, что именно здѣсь корень зла.

Говорить за это прежде всего то, что самоубійство наиболѣе распространено среди полуобразованнаго класса, наименѣе твердаго въ христіанскихъ понятіяхъ и началахъ. Еще яснѣе это открывается изъ побужденій, которыми самоубійцы оправдываютъ себя въ своихъ запискахъ, и изъ тѣхъ сужденій въ обществахъ, которыя тоже клонятся къ оправданію и даже одобренію самоубійства. Здѣсь находимся мы въ атмосферѣ мыслей и чувствъ, совершенно чуждыхъ христіанству и свойственныхъ только языческому складу души. Когда изъ боязни общественнаго позора лишаютъ себя жизни чиновникъ растратившій кассу, или обойденный вниманіемъ начальства, жена, оклеветанная предъ мужемъ и т. д. то самоубійство ихъ встрѣчаетъ себѣ одобреніе, какъ геройскій подвигъ, какъ честный выходъ изъ труднаго положенія. Очевидно, мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ христіанскимъ, а съ языческимъ понятіемъ о чести или о достоинствѣ человѣка. Честь тутъ полагается не въ вѣрности нашей долгу и христіанскому призванію, а во внѣшнемъ почетѣ и въ мнѣніи о насъ другихъ людей; здѣсь забываютъ случаи, когда истинная честь наша требуетъ, чтобы не всѣ люди говорили о насъ хорошо, ибо Самъ Спаситель вѣдь сказалъ: *Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо* (Лк. VI, 26)! Дорожа мнѣніемъ или голосомъ однихъ только истинно-хорошихъ людей, мы, конечно, тѣмъ болѣе должны дорожить голосомъ о насъ самого Бога, раздающимся ясно въ нашей совѣсти и евангеліи. Мнѣ пришлось бы перебрать почти всѣ правила христіанской морали, если-бы я задался цѣлію подробно разъяснить, насколько далеки отъ христіанской истины всѣ приводимые въ оправданіе самоубійства доводы. Одинъ лишаетъ себя жизни на томъ основаніи, что считаетъ свое существованіе бесполезнымъ и ни для кого не нужнымъ; другой признаетъ достаточнымъ основаніемъ для этого, что жизнь ему надоѣла или—что жить стало тяжело; третій хочетъ выдѣлится изъ ряда людей необыкновеннымъ будто-бы стремленіемъ къ совершенству, но убиваетъ себя потому, что

отчаявается сдѣлаться хорошимъ, лучше другихъ, а жить такъ, какъ живутъ другіе, онъ не хочетъ и не можетъ и т. д. Здѣсь говорятъ намъ языкомъ чуждымъ христіанскому настроенію и образу мыслей,—это языкъ людей, блуждающихъ въ языческой тѣмѣ, языкъ чрезмѣрно приподнятаго чувства своего я, самолюбія, особенный видъ тщеславія, которое я не могу иначе назвать, какъ посмертнымъ или загробнымъ тщеславіемъ. Душа человѣческая, особенно неуравновѣшенная, полна противорѣчій. Тѣ, которые не вѣрятъ въ безсмертіе души своей или, говоря словами нашего писателя (Достоевскаго) „считаютъ себя обязанными увѣровать, что они не вѣрують“,—эти люди обнаруживаютъ тщательную заботливость о мнѣніи объ нихъ живыхъ людей. Въ послѣднемъ словѣ своемъ живымъ они ищутъ отъ нихъ себѣ не только сочувствія, но уваженія и даже удивленія: они хотятъ, чтобы весь міръ оплакивалъ ихъ, какъ героевъ, или видѣлъ бы въ ихъ смерти, по крайней мѣрѣ, большую потерю.

Впрочемъ, нѣтъ особой нужды въ побочныхъ доказательствахъ того, что корни зла въ ослабленіи христіанской вѣры. Кто хорошо понимаетъ, что такое самоубійство, тотъ пойметъ также и то, что никакой истинно и дѣйствительно вѣрующій христіанинъ не можетъ быть самоубійцею, если онъ въ здоровомъ умѣ.

Отдѣльные случаи самоубійствъ безконечно разнообразны по своимъ подробностямъ,—по своимъ мотивамъ, обстановкѣ. душевному состоянію самоубійцы, и есть, конечно, множество промежуточныхъ ступеней между самоубійствомъ ученика изъ-за неправильной отмѣтки учителя и самоубійствомъ Сенеки; но во всѣхъ нихъ одна и та же общая сущность. Всякій самоубійца распоряжается жизнью своею, какъ своею личною собственностію, и заявляетъ себя безконтрольнымъ владыкою своей судьбы, своей личности, необязаннымъ никому за себя. Самоубійство всегда и вездѣ представляетъ собою поэтому крайнее проявленіе эгоизма, самолюбія, дальше котораго нельзя идти. Самоубійца хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ можетъ быть лишь одинъ Богъ; онъ никого и ничего не знаетъ выше себя. Самоубійство естественно противорѣчитъ христіанству; оно противорѣчитъ всѣмъ теоретическимъ и нравственнымъ положеніямъ христіанства, самому существу его. Достаточно показать, что имъ въ корнѣ отрицаются двѣ

основныя заповѣди евангелія, на нихъ законъ и пророцы висятъ: заповѣдь о любви къ Богу и любви къ ближнему.

Есть разные виды атеизма или безбожія. Можно въ умѣ только отрицать бытіе Бога,—и это *теоретическій* атеизмъ (весьма рѣдкое явленіе); можно отрицать Бога дѣлами и жизнью,—признавать Его бытіе и волю, законы, и жить по своей волѣ и законамъ—и это атеизмъ *практическій*. Самоубійство совмѣщаетъ въ себѣ то и другое и даже еще въ большей степени. Послѣдовательный самоубійца всегда теоретически отрицаетъ бытіе Бога, но онъ превосходитъ атеистовъ тѣмъ, что отрицаетъ и грубо отвергаетъ даже и созданіе Божіе, и при томъ лучшее созданіе—человѣка, жизнь человѣческую. Практическій атеизмъ лишь по частямъ отрицаетъ волю Божію въ мірѣ, когда человѣкъ дѣйствуетъ по своей волѣ; но самоубійца, считающій себя безусловнымъ и единственнымъ распорядителемъ своей жизни и судьбы своей, сразу и всецѣло отрицаетъ надъ собою волю и власть Бога, становится самъ на его мѣсто. Въ этомъ восхищеніи Божественныхъ правъ и состоитъ крайнее безуміе самоубійцы. Въ мірѣ, гдѣ царствуетъ Богъ, только безумный можетъ претендовать на независимость. Все сотворенное Богомъ существуетъ чрезъ Бога и для Бога, и въ томъ числѣ—человѣкъ. Человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ, тѣломъ и душою принадлежитъ Богу, Его собственность. *Каждога*, говоритъ Господь, *Я сотворилъ для славы Моей, образовалъ и устроилъ* (Ис. XLIII, 7; ср. Пртч. XVI, 4; Рм. XI, 36; Кол. 1, 16; Евр. II, 6; Апок. IV, 11), *Мы не хозяева въ мірѣ, а слуги и рабы Божіи, посланные въ мірѣ исполнять волю Его и намѣренія Его, извѣстныя Ему одному, и служить ему Единому: Аще бо живемъ, Господевѣ живемъ; аще же умираемъ, Господевѣ умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рмл. XIV, 8). Даже язычники прозрѣвали въ служеніи Богу высшій смыслъ жизни и съ этой точки зрѣнія на жизнь осуждали самоубійство. Богъ послалъ насъ въ мірѣ, говоритъ Сократъ, какъ господа посылаютъ слугъ своихъ для выполненія какого-либо порученія. Господинъ въ правѣ гнѣваться, когда посланный имъ слуга убьетъ себя. И мы не должны оставлять своего поста на землѣ, пока не отзоветъ насъ Тотъ, Кто послалъ насъ сюда.

Посмотримъ теперь, много-ли любви къ ближнимъ въ самоубійствѣ. Авторитетные юристы говорятъ намъ, что само-

убійца наноситъ вредъ развѣ самому себѣ, а не обществу, не людямъ; онъ не дѣлаетъ зла, а только перестаетъ дѣлать добро. Но едва-ли съ ними согласится отецъ, теряющій въ сынѣ-самоубійцѣ свою гордость и опору, семья осуждаемая на страшное горе самоубійствомъ главы своей и т. д. Жестокосердіе только одно не видитъ, сколько слезъ, горя, нужды вносить въ жизнь людей близкихъ самоубійство. А кто можетъ взвѣсить нравственный вредъ дурного и, говорить, заразительнаго примѣра? Не послѣдовало-ли за однимъ самоубійствомъ и у насъ на третій день другое самоубійство — просто потому, что человекъ стоялъ у воротъ и смотрѣлъ на похоронную процессію... Скажу прямо. Будучи крайнимъ проявленіемъ и чрезмѣрнымъ напряженіемъ эгоизма, самоубійство разомъ и въ корнѣ отрицаетъ всю нравственность, всякое подобіе любви и обязанностей къ ближнимъ. Всякій эгоистъ выдѣляетъ себя изъ общества такъ или иначе, обособляется отъ другихъ, считая себя цѣлью, а другихъ средствами. Но что дѣлается людьми по частямъ, то самоубійца дѣлаетъ разомъ и въ совершенной степени, рѣзко и грубо порывая свою и физическую, и духовную связь съ обществомъ, съ людьми. Онъ самъ для себя и отъ себя существуетъ, и самъ безъ спроса можетъ уйти отъ людей, даже не заплативъ трудомъ своимъ долгъ семьѣ, государству, церкви, обществу! Еще ужаснѣе бедна духовная, воздвигаемая крайнимъ эгоизмомъ самоубійцы между нимъ и живыми. Насъ оставляютъ или съ явнымъ, или молчаливымъ презрѣніемъ, съ явнымъ или тайнымъ поруганіемъ всего для насъ святого, — нашей вѣры, нашего упованія, нашихъ трудовъ земныхъ и терпѣнія. Все, что дорого намъ, брошено, поругано, отринуто самоубійцею. Впрочемъ, самоубійцы вообще не думаютъ причинять существенно боль или вредъ намъ; нѣтъ, они не думаютъ объ насъ и всецѣло заняты только собою, муками собственной души и тѣла, которыми мститъ имъ природа за дерзкое возстаніе противъ нея. Весь міръ для нихъ заключенъ въ одномъ лишь ихъ я — и въ этомъ-то вся ихъ погибель: если-бы они были способны подумать какъ слѣдуетъ о другихъ, то въ этой мысли было бы и спасеніе для нихъ.

Ясно теперь, почему истинный христіанинъ не можетъ быть самоубійцею. Ясно также, почему Церковь христіанская строго судитъ за самоубійство, запрещая даже общественное моленіе о самоубійцахъ. Это преступленіе есть всецѣлое

и полное отрицаніе не отдѣльныхъ какихъ-либо истинъ или правилъ христіанства, но всего христіанства въ его существѣ и корнѣ и прямое отрицаніе Церкви. Церковь не можетъ идти со своими молитвами, благословеніями и таинствами къ тѣмъ, которые отрицаютъ все это, а вмѣстѣ и самую Церковь. Дѣйствуя иначе, она противорѣчила бы сама себя и разрушала бы сама себя. Возвышая свой твердый голосъ противъ самоубійства, Церковь остается и здѣсь вѣрною себѣ и своимъ евангельскимъ началамъ, въ частности началу разумной и справедливой любви: развѣ лучше было бы, если-бы замолкъ совѣмъ и этотъ единственно авторитетный голосъ среди общества, которое подъ различными вліяніями утрачиваетъ теперь ясное сознаніе о преступности самоубійства? Не Самъ ли Спаситель сказалъ: *Похваждь церкви, аще же и церкви преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь* (Мѣ. XVIII, 17)? Поэтому оставимъ обвиненіе Церкви въ излишней строгости или даже жестокости! Церковь живетъ и дѣйствуетъ по истинной евангельской любви, которая ничего не имѣетъ общаго съ дряблѣй гуманностью и сантиментальностью. Она болѣе цѣнитъ свободу и уважаетъ личность, когда отказывается напутствовать своими молитвами сознательнаго самоубійцу, не навязывая своей любви ему силою. Но и въ данномъ случаѣ она не произноситъ своего приговора надъ умершимъ какою бы то ни было смертью; послѣдній судъ принадлежитъ Богу, Который *весь судъ отдалъ Сыну... И судъ Его праведенъ есть* (Іо. V, 22. 30). Аминь.

Свящ. П. Свѣтловъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки